

ЕЛЕНА
БЕЗРУКОВА

ПОСЛЕ
РАЗВОДА

P.S. Люблю тебя, жена

Елена Безрукова

После развода.

Люблю тебя, жена

<https://litres.ru/74271248>

Аннотация

- Да, я виноват. Но хочу вернуть всё обратно.
 - Невозможно склеить разбитую вазу.
 - Ты не сможешь меня простить?
 - Нет. Ты меня предал. Растоптал. И наш ребёнок не будет расти рядом с таким вот папой-предателем.— Всё можно простить, если захотеть. Назови свою цену. Что мне сделать, чтобы ты меня простила? Я сделаю всё, что угодно.
 - Нет таких вещей, Егор. И я не товар в магазине, чтобы иметь какую-то цену. Оставь меня в покое. Я уже была твоей женой, у тебя шансов было на сто лет вперёд. А теперь уже поздно. Отойди, мне надо кормить ребёнка.
 - Он разбил мне сердце и безжалостно предал нашу семью. Но он не знал, что предавал не одну меня, а двоих: меня и нашего малыша, которого я рискнула родить в 45. Одна.
- ЕЩЁ ОДНА ИСТОРИЯ АВТОРА В ПРОЦЕССЕ:**

Содержание

1.	4
2.	10
3.	12
4.	14
5.	17
6.	19
7.	22
8.	25
9.	29
10.	32
11.	35
12.	38
13.	45
14.	48
15.	51
16.	55
17.	58
18.	61
19.	65
20.	70
21.	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

1.

— Дорогой, можно я сегодня уйду с работы пораньше? — говорил я по телефону с собственным боссом.

Мы работали в одной компании на руководящих должностях. Но Егор был самым главным человеком у руля фирмы, а я — финансистом и его правой рукой.

— Что ты там задумала? — спросил он.

— Да так... Хочу всякие милые вещицы для дома прикупить. В моём любимом магазине сегодня скидки.

— Опять тарелок наберёшь, никому не нужных? И салфеток.

Мне стало обидно. Зачем он так говорит? Я же для нас стараюсь.

Наш ужин выглядит роскошным, как в ресторане. Потому что я заморачиваюсь сервировкой стола, мне это нравится и самой приятно есть из красивых тарелок с красивыми льняными салфетками... Что в желании сделать дом красивым и уютным плохого? Мне доставляло это удовольствие. И мне казалось, что моему мужу — тоже...

— Я куплю тебе чайник для чая. Глиняный. Помнишь, ты хотел?

— М-м... Ну ладно. Иди. Дома меня будешь ждать?

— Ну, конечно. Где еще?

У меня и подруг-то не было, чтобы уйти куда-то после по-

купок... Вся моя жизнь сосредоточена на муже и сыне.

— Ладно. Давай тогда. Пока.

Я выключила компьютер, дала поручения секретарю и поехала в торговый центр.

Однако, покупки сделать мне не удалось... От шума и духоты в торговом комплексе мне вдруг стало плохо, и мне вызвали скорую помощь...

— Проходите. Размещайтесь. Сейчас доктор подойдёт.

— Ой, Егор, я перезвоню тебе.

Но размещаться в палате больницы, куда меня только что доставила скорая помощь, я не могла — дошла и кое-как легла на кровать.

Резануло слух такое же имя, как у моего мужа. Его произнесла незнакомка, сидящая на одной из кроватей платной палаты. Она обнимала довольно большой живот — глубоко беременна. С любопытством смотрела на меня, но сейчас мне было не до знакомств.

В торговом центре мне вдруг стало плохо, я упала в обморок.

Легла и осмотрелась. Кроме меня и девушки на соседней койке в палате никого не было.

Она ничего не говорила, просто наблюдала за мной.

Пришёл доктор. Осмотрела меня, назначила какую-то ка-

пельницу, которую тут же установили услужливые медицинские сёстры.

— Нина Алексеевна, — обратилась врач ко мне. — Пока я рекомендую остаться здесь, в стационаре. Причина вашего обморока пока непонятна и может повториться. Оставайтесь под наблюдением врачей, сделаем вам полное обследование организма. Найдём причину, назначим лечение и пойдёте домой.

— Я не собираюсь отказываться от госпитализации, — ответила я ей. — Не нужно меня уговаривать как ребёнка. Сделайте мне обследование, я согласна с вами, что это нужно.

— Очень хорошо, — улыбнулась доктор, очевидно довольная тем, что спорить с ней пациентка не стала и прекрасно понимает, что о своём здоровье нужно заботиться. Мне всё таки сорок пять уже, не двадцать... Нет ничего удивительного, что организм сдаёт, несмотря на то, что выгляжу я достаточно молодо. — Тогда сейчас после капельницы отдохайте, а завтра начнёте сдавать анализы.

— Хорошо. Спасибо, доктор. А что со мной, как вы думаете?

— Похоже на переутомление, но пока сложно точно что-либо утверждать. Дождёмся результатов анализов.

— Понимаю.

— Отдыхайте. Причину обязательно выявим.

Доктор ушла, а я стала смотреть в стенку напротив себя. Не люблю больницы. Всегда чувствую в них себя уют-

но...

Надо позвонить мужу, сообщить, что в больницу угодила. Впрочем, он сказал, что уедет в командировку сегодня и на несколько дней, всё равно ничем мне сейчас не поможет. Сначала лучше сыну сказать. Он хоть и большой уже парень, студент третьего курса универистета, но всё же забеспокоится, конечно, если я просто не приеду домой.

Что-то удержало меня от того, чтобы я сообщила мужу, где я и что со мной случилось. Словно бы не хотелось ему говорить это прямо сейчас, но почему — я не знала и сама. Интуиция...

— Костенька, дорогой, — заговорила я, когда сын принял звонок. — Я в больнице. Но ты не волнуйся! Всё хорошо. Упала в обморок в торговом центре. Мне кажется, там было слишком душно, вот и всё. Но врачи оставили меня наблюдать пару дней и сдать анализы, чтобы понять, что такое случилось. Да нет, конечно, не переживай ты так — ничего серьёзного. Давление какое-нибудь... Полечат и домой отпустят. Так что ложись спать сегодня без меня. Ладно, не переживай там. Я отдыхать пошла. Спать хочется... Капельницу поставили, от неё в сон тянет... Пока. Спасибо, милый, буду поправляться!

— Сын? — спросила с улыбкой соседка по палате.

— Да. А как вы догадались?

— Ну... По тону. Так не говорят с мужьями или любимыми мужчинами.

— А есть разница между тоном для мужа и для любимого мужчины.

— Конечно, — сказала она и сузила глаза как кошка. — С любимым и тон совсем другой. Мужа у меня нет... А вот любимый — есть.

— Чего же он на вас не жениться, если такой любимый?

— А он женат.

Мы встретились глазами. Вот как? Любовница, беременная от чужого мужа?

Интересное кино... Но дело её, конечно. Взрослая уже девушка, чтобы ей нотации читать. Жаль только эту бедную жену, которой так рога наставили некрасиво.

— Но это не преграда для нашей любви, — продолжила рассказывать девушка.

Я с ней согласиться не могла, хотя бы потому что являюсь стороной тех самых жён, и женская солидарность для меня всё же не пустой звук. Но и влезать со своими советами не собиралась. Пусть разбираются в своей “Санта-Барбара” сами.

— Скоро я рожу доченьку моему любимому, — погладила девушка свой беременный живот. — Он так давно о ней мечтал. И бросит он свою старую гримзу как миленький!

Это тоже спорно. Далеко не все мужчины, которые изменяют жёнам и даже имеют детей от других женщин, уходят из семьи ради любовниц. Детку вполне может ожидать и разо-

чарование... Но это она тоже узнает пусть сама.

— А вот и мой любимый! — воскликнула она, когда телефон в её руке завибрировал и разразился слащавой популярной песней. — Словно слышит, что я о нём говорю. Да, милый! Ты где, Егор? Идёшь уже? А, к палате подходишь? Пятая палата. Ага, жду.

Она бросила телефон на кровать и встала, пошла к двери — очевидно, встречать любимого. А меня снова резануло имя — Егор.

И в следующую секунду я поняла, почему.

В палату вошёл мой муж. А ему на шею с криком “Любимый!” бросилась беременная девушка.

2.

Я скривила лицо. Но не от того, что сцена была для меня отвратительной, а от боли.

Мне словно нож всадили в сердце по самую рукоятку и прокрутили несколько раз с особой жестокостью.

Боль была моральной, но я чувствовала её именно физически.

Но несмотря на то, что мне было плохо, я нашла в себе силы вытащить из руки катетер капельницы, встать с кровати и пойти в коридор.

Не хочу это видеть.

Говорить с ним — не хочу. Мне всё ясно. Нечего тут обсуждать.

Егор был ко мне спиной и даже не сразу заметил, что они с беременной от него любовницей не одни в палате. А когда наконец выпутался из сладких объятий молодой красавицы обернулся, встретился взглядом со мной и застыл на месте.

— Нина? Что ты тут...

— Вы обознались, — оборвала я его. — Мы с вами не знакомы. Извините.

Я вышла в коридор и поспешила спуститься по лестнице ниже — хотела зайти в закуток на лестнице, где неверный муж меня не увидит. Отчего-то я была уверена, что он поспешит за мной. И так и вышло: он звал меня и бегал по

лестницам, но найти так и не смог, потому что не видел точно, куда я пошла.

Я стояла в тёмном углу больницы и закусив губы тихо плакала.

А он звал меня...

— Нина! Нина! Где ты? Ну хватит дуться, выходи, надо поговорить. Нина! Нина! Я знаю, ты меня слышишь. Ты где-то здесь. Нина!

Я же, сжав скулы до боли, а кулаки — до врезающихся ногтей в кожу, стояла и молчала. Грудь саднило от боли и предательства.

Отношения между нами спустя много лет брака, конечно, далеко уже не такие яркие, как по началу, но я не думала, что Егор однажды поступит так со мной!

Да, у нас есть проблемы в браке. Как и у всех других пар. Но Егор предпочел вместо обсуждения проблем просто заменить меня на более молодую, глупую и весёлую...

Неужели я ничего не стоила для собственного мужа?

Как же невероятно больно это осознать так вот вдруг, увидев факты измены любимого мужа своими глазами...

3.

Вскоре Егору надоело бегать по этажам, и его голос стих. Он ушёл.

Я выждала ещё минут сорок, не меньше, хотя мне было трудно сидеть прямо на холодном полу, больной, лишь бы не пересекаться с ним в палате. Да и палату я хочу попросить поменять. Я не смогу спокойно смотреть на соседку по палате, которая заняла моё место и готовилась подарить моему мужчине ребёнка...

Моему... Это слово принесло мне новую порцию боли.

Уже не моему, конечно.

Мой мужчина никогда меня бы не предал.

А этот — не мой.

Чужой.

Предатель.

Враг.

Я кое-как поднялась на затёкшие ноги и побрела, буквально держась за стену, на медицинский пост.

— Так, Богуславская! Почему гуляем по коридору, у вас же капельница! — тут же нахмурилась медсестра, поправив на носу очки. — А где катетер? Сами, что ли, выдернули?

— Сама. Надо было выйти.

— Куда выйти? Вы хоть доделали капельницу? Вам ле-

читься надо, а не выходить куда-то.

— Нет. Можете мне, пожалуйста, позже поставить её снова?

Она укоризненно покачала головой.

— Пойдёмте. Надо доделать.

— Постойте... — обратилась я к ней. — Я хотела бы попросить сменить палату.

— Чего вы удумали? Почему сменить? — захлопала удивлённо ресницами медсестра.

— Мне невыносимо находится в той, куда вы меня поместили.

— Да почему? Ничего не понимаю... Палата хорошая, чистая...

— Не в самой палате дело. Палат хорошая. Соседка моя...

— А что — соседка?

— Понимаете, — опустила я глаза, чувствуя жгучий стыд за эту ситуацию. Хотя, по сути, это не мой некрасивый проступок, и я тут виновата меньше всех, я — пострадавшая сторона, но всё равно испытывала испанский жгучий стыд!

— Эта девушка — беременна от моего мужа!

— Ёжки-макарёшки...

4.

— Я вас очень прошу — дайте мне другую палату. Я... не смогу так!

— Ладно, ладно, успокойся, — погладила меня по плечу медсестра и усадила на диванчик в коридоре. — Жди тут. Я сейчас гляну, что есть свободное...

Она принялась осматривать какие-то документы, а потом снова подняла взгляд на меня:

— Свободные места есть только в общих палатах.

— Я согласна, — кивнула я. — Только их бы не видеть.

— Бедная ты, бедная... — покачала головой она и повела меня в другую палату на шесть человек.

Там была только одна свободная кровать у стены. Медсестра усадила меня на уже застеленную кровать.

— Я сама вещи соберу твои и принесу. Тебе лежать надо.

Спустя минут пять рядом со мной оказались и мои вещи.

— Этот твой, что ли? Долговязый такой мужик в пальто? — спросила она меня.

— Мой. Был... Мой.

— Чё? Разведёшься, что ли?

— Конечно.

— Да ладно... Помиритесь ещё десять раз.

— Но...как же ребёнок от другой? — с непониманием уставилась я на сестру. — Как такое можно назвать просто

ссорой?

— Хм, а то нет, что ли, таких семей? Зато содержит тебя и ваших детей. Дети есть у вас?

— Сын. Взрослый уже. Студент...

— А-а... Ну да, большенький уже. Ну, в дом деньги-то муж носит?

— Носит.

— Ложись. Капельницу надо доделать. Руку давай... Ну так и что тебя не устраивает? Ну и пусть себе гуляет, если чешется. А ты с него деньги бери да своими делами занимайся.

— Не хочу я так. Я хочу нормальный брак с нормальным мужчиной, который будет любить только меня.

— А есть ли они такие, эти мужчины? — хмыкнула сестра. — Ты любовнице-то что сказала, как увидела, что муж к ней притопал, и пузо — от него?

— Сделала вид, что мы не знакомы, — ответила я. — И вышла из палаты.

— Ну ты даёшь... — снова покачала она головой. Ситуация её словно бы веселила. Но оно и понятно: всегда со стороны всё весело, пока сам не окажешься на месте главного героя этой ситуации. — Ладно, не шевелись теперь. Капельница пошла работать... Отдыхай. Я постараюсь договориться, чтобы он свою зазную беременную навещал только в комнате для посетителей.

— Спасибо вам большое, — сказала я ей. — И ничего ему обо мне не рассказывайте. Я не хочу, чтобы он хоть что-то

обо мне знал и в какой я палате.

— Да конечно, пошлю его в лес с вопросами о тебе. Не переживай.

— Спасибо.

Сестра ушла, а я стала смотреть в стенку.

Было так плохо, что дышать трудно стало...

5.

Я лежала, смотрела в синюю стену, а по моему лицу бежали горькие слёзы боли.

Мне казалось, что моё сердце перемололи жернова... Нет теперь у меня сердца, один фарш, который невозможно повернуть назад.

Я никак не могла осознать, что он это сделал — мой муж меня предал.

И не просто изменил, а завёл вторую семью на стороне. Зачем он так сделал? Это жестоко.

Я ведь верила, что у нас семья, брак, любовь, пусть уже и не такая яркая как раньше, но — всё-таки любовь.

Если Егор меня давно не любит, мог бы честно об этом сказать, отпустить меня и тогда начинать гулять где угодно и как угодно. И в таком случае мне было бы больно, но это хотя бы было бы честно с его стороны. А он вот так, за спиной...

В то время, как я не дала никому ни разу своего номера телефона, не сходила ни на одно свидание, не послала ни одного фото белья или чего-то в таком духе, он просто завёл себе младшую жену и они вместе ждут ребёнка!

Я просто не понимала, как это принять и пережить.

Боль мне казалась бесконечной и такой огромной, что она не помещалась во мне, и грозила вот-вот разорвать всё моё тело мощной волной.

Он мне звонил. Но я внесла его номер в черный список.

О чём говорить? Он больше мне не муж. Он мне теперь никто, мне всё ясно, и обсуждать тут нечего. Слушать глупые оправдания, что я как-то не так всё поняла или он на самом деле любит только меня, и просто запутался, оступился, я не хотела.

Пусть свои сказки оставит для новой жены. Она молодая и глупая, может, и поверит ему. Но я — не поверю.

И никогда не прощу.

Без его звонков каждую минуту мне стало немного легче.

Ну что названивать, если я не отвечаю? Он знает, что я всё поняла.

Что он теперь хочет от меня?

Услышать, что я смогу понять и простить?

Не смогу. Пусть и не мечтает о том...

Хотя он, наверное, теперь и сам уйдёт к новой жене — я сама ему руки развязала, узнав о новой любви Егора.

Что ж... И скатертью дорожка.

Однако новости на этом не закончились. И та, которую я услышала утром, заставила меня зависнуть на месте, не зная, что говорить и делать.

— Нина, вы знаете, что беременны?

6.

— Вы вопрос слышали, Нина? — склонилась надо мной врач.

Я лежала и смотрела в потолок. Ничего ответить от шока не могла.

Беременна? В сорок пять? Сейчас, в этой ситуации?!

Нет, такого просто не может быть.

Такого просто никак не может быть!

Это какая-то ошибка...

— Я... Что? — посмотрела я в глаза доктору.

Может, она всё же что-то путает?

Анализы в лаборатории перепутали, возможно. Всякое ведь бывает.

— Вы беременны, Нина, — повторила доктор с улыбкой.

— Срок маленький, вы вполне могли и не подозревать о беременности. И поэтому у вас недомогания, а в торговом центре вам просто душно стало, и как следствие — обморок.

— Так может, это ошибка какая-то?

— Очень маловероятно, — покачала головой доктор. — Анализ взяли у вас расширенный, в том числе включающий в себя некоторые другие параметры, по которым можно смело говорить о наступлении беременности. Срок примерно три-четыре недели.

— Но у меня... была менструация даже, — отказывалась

я верить в правду, так лихо подброшенную мне судьбой.

— И такое бывает: попали между циклами. В этом месяце уже не должно быть её.

— Может, УЗИ какое-то сделать, чтобы не надеяться на один анализ? Или повторный анализ? — спросила я.

— Обязательно сделаем и УЗИ, и повторный анализ, чтобы удостовериться в правильности информации. Но думаю, что ничего нового мы не увидим. Так что вам пора готовиться к тому, что вы скоро станете мамой второй раз. Завтра с утра снова сдавать кровь нужно, а сейчас идёмте на УЗИ.

Узиолог пригласила меня на кушетку, освободила мой живот от одежды и нанесла специальный гель на кожу, чтобы затем начать осмотр.

Я волновалась.

Что, если анализ всё-таки ошибся? Может, у меня просто от нервов поднялись какие-то параметры, и не более того?

Осталось дожидаться вердикт узиолога, но она как назло долго молчала и что-то изучала на мониторе.

— Ну вот он, — улыбнулась доктор и повернулась ко мне. — Один плод виден в матке. Живой. Развивается нормально. Сердцебиение пока послушать не получится — три-четыре недели вашему ребёночку, ещё рано. Но позже мы обязательно включим вам звук его сердечка! В целом, всё хорошо. Поздравляю, вы беременны!

Я беременна.

И я совершенно не знала, что мне теперь делать...

Я даже не могла понять, какие именно чувства испытывала по этому поводу.

7.

— Ты чего так плачешь, милая? — погладил меня кто-то по плечу.

Я вынырнула из неги страданий и сосредоточила взгляд на пожилой женщине, которая присела на край моего матраса и, видимо, решила меня успокоить. Потому что плакала я горько, хоть и тихо — тихая истерика.

А я уже привыкла так плакать. Никому мои слёзы и беды не интересны.

Точнее, мужу — не интересны давно, а сына просто пугать не хотелось и заставлять его переживать. Всё равно Костя ничем мне не поможет, он же не виноват, что наши отношения с его отцом разладились.

Но плакать от обиды и равнодушия мужа мне уже приходилось, не раз. Но то, что он себе буквально заведёт вторую семью, я, конечно, не ожидала от него. Я надеялась, что это какой-то временный период, временный разлад...

Я периодически пыталась наладить наши взаимоотношения. Вот недавно купила нам две путёвки в Доминикану, к океану... На зимние каникулы, которые начнутся через три месяца... Готовила мужу сюрприз, мечтала, как мы будет лежать у океана, слушать шум прибоя и болтать обо всём, как раньше. Это сейчас мы вечно заняты, не можем вырваться из на выходные вместе по причине большой загруженности.

И этот маленький отпуск я очень надеялась провести вместе и снова вспомнить, как хорошо и тепло нам было раньше...

Однако, холодно оказалось мне одной. А Егора грела уже эта молоденькая девочка-глупышка. Только я одна была и тосковала по мужу, жила какими-то ностальгическими мыслями о том, как было, и мечтала вернуть в настоящее хоть что-то из того, что было когда-то. Но по факту это всё оказалось моими иллюзиями, самообманом, воздушными замками, которые я построила в своей голове, не понимая, не веря в то, что муж меня разлюбил, остыл ко мне и уже нашёл замену не только мне, но и всей нашей семье. Нашёл себе моложе, веселее и глупее...

И эта поездка теперь не состоится. Точнее, я конечно, могу взять сына или подругу, или полететь в Доминикану одна, но это совсем не то, что я планировала и желала изначально: я хотела наладить отношения с мужем, но теперь полечу туда сама...

Потому что мужа у меня не было больше. Сегодня его не стало.

Он развёлся со мной фактически, когда завёл себе любовницу.

Теперь этот вопрос предстояло урегулировать лишь юридически, чтобы он перестал мужем и по бумагам.

Как мы будем делить наше имущество и работать вместе, я не знала, и не представляла себе всю эту тяжбу, но сейчас я болела именно разрывом с Егором как с человеком, страдала

рухнувшими мечтами и чаяниями и испытывала острую как лезвие боль предательства.

— Я беременна.

— Я слышала. Так и что в этом плохого? Это ж радость.

— В моём возрасте?

— А что у тебя с возрастом? Ты ещё вон какая молодая, красивая.

— Я просто за собой слежу. Мне сорок пять.

— Ой, да ты что? Действительно, моложе сильно выглядишь. Но раз организм забеременел, значит, ты можешь родить, и надо принять это чудо.

— Да не могу я радоваться, — снова заплакала я, закрыв лицо простыню.

— Да почему?

— Муж мне изменяет и ждёт ребёнка от другой!

Бабулька охнула и замолчала... Ну вот и какая тут радость может быть в моей ситуации?

8.

Даже не знаю, зачем я стала ей рассказывать о своей ситуации. Наверное, потому что я чувствовала себя очень одинокой... Сын не поймёт меня, как женщина, подруг у меня просто нет, что я поняла только сейчас... Муж меня словно изолировал от всех, сузил мир до одного его, и я сама не замечала, как сосредоточила всю свою деятельность вокруг него: и работу, и дом, и личные отношения... Мы жили так, как нравилось Егору. Я делала то, что хотел Егор. И дружила с теми, с кем позволит Егор.

А он ни с кем не позволял. Вообще ни с кем. Даже когда была жива моя мама, царство ей небесное, он возмущался или ходил с недовольным лицом, когда я хотела поехать к ней. Но тогда я воспринимала это как великую любовь: человек не мог жить без меня, не мог дышать. А теперь... Словно увидела всё с иной стороны. Надо сказать, очень некрасивой стороны.

Оказывается, это только я так жила и буквально зависела от Егора: дышала им, жила его жизнью, жила его планами, беспрекословно им следовала. Сам же Егор прекрасно дышал без меня, наслаждался жизнью и тем, что я ему прислуживала много лет, руководствуясь наставлениями наших мам и бабушек, что за мужчиной нужен уход не меньше, чем за ребёнком. Егор дышал свободно и без меня и даже завёл

себе любовницу. Может, и не первую уже. Просто я была слепая и глупая, точнее — наивная, наверное, и не видела ничего. В моей голове была одна забота о нём и сыне и слепая вера и любовь. Я просто ничего иного не замечала, фокус был только на Егоре и на его счастье и удовольствии.

А муж между тем, возможно, заводил романы за моей спиной. Что-то сомневалась я, что этот роман — первый, просто зашёл далеко то ли из-за беременности его девочки, то ли потому что реально влюбился сам Егор — с этим я пока не разобралась. Но факт остаётся фактом: он завёл вторую семью у меня за спиной, пока я ему покупаю те самые красивые тарелочки, которые он, оказывается, ненавидел...

Как много правды открылось для меня одновременно. Та правда, которая всегда была у меня под носом, на поверхности, но я её категорически не замечала. И чувствовала себя сейчас обманутой, преданной дурой, за что, собственно, я и поплатилась: нельзя быть в нашем таком злом мире наивной дурой — обязательно обманут.

— Ну ты на ребёнка-то не вешай ответственность за вас двоих, — погладила меня снова по плечу бабулька. — Это же и правда маленькое чудо. Тебя сейчас этот малыш спасёт, глупая. Просто не понимаешь, что такое остаться на старости...совсем одной.

Зерно логики в этом, конечно было.

Это, наверное, чистая психология и природа женщины: когда появляется кто-то более слабый, чем ты, ты концен-

трируешься на нём и перестаёшь думать о горе. Фокус сместится на малыша, на заботы о нём, и это даст мне стимул и силы пережить то болезненное предательство и расставание с неверным мужем. Но рожать ради этого я, конечно, не собиралась. Я просто не смогу что-то сделать с собственным ребёнком. Тут меня и уговаривать не надо было, я не о том горевала сейчас, хотя, конечно, новость о беременности меня совсем с толку сбила. Очень больно и обидно узнать об этом, когда никакого мужа у меня больше нет — я с ним разведусь несмотря ни на что.

Измену я прощать не буду. Это прямое неуважение и пренебрежение, которое было и до этого, но я на всё закрывала глаза, видимо, пока не произошла такая однозначная ситуация, в которой мне плюнули в лицо за все годы заботы и любви.

Я взглянула на бабушку.

— Вы...совсем одна?

— Да, — махнула она сухой рукой. — Я уж свыклась. А ты вот рожай и не думай, что зря это делаешь. Не зря, не зря...

— Почему же вы одна? А как же дети, внуки?

— А вот... Не осталось никого. Всех схоронила. И многое бы отдала, чтобы со мной родное сердечко было, но увы — больше бог не дал.

— Боже, какая грустная у вас судьба...

— Ну уж... Что дал бог — то моё.

— А больше замуж не выходили?

— Да был у меня потом ещё...дед, — и она засмеялась, видимо, вспомнив те годы. — Мы с ним дружили, вместе готовили, в домино играли... Это уж не тот брак, что у вас, молодых, но...

Я промолчала. Если она говорит “был дед”, значит...

— Тоже помер, — вздохнула женщина. — Вот такая я долгожительница счастливая. Всех пережила.

— А сколько же вам лет?

— Семьдесят, милая.

— А здесь вы почему?

— А может, тут мои мучения и кончатся. Операция мне нужна, да денег нет. А бесплатной я не дождусь уж. Врачи готовят на выписку, раз я не могу оплатить операцию.

9.

Мне стало жалко бабульку. Она совсем одна, да ещё так болеет...

Очень страшно остаться вот так на старости лет в одиночестве.

Я решила побеседовать с врачом насчёт неё: действительно ли она одинокая и какая ей требуется операция.

— А как вас зовут? — спросила я её.

— Валентина Петровна, — ответила она. — А тебя?

— Нина, — улыбнулась я. — Очень приятно. И спасибо за поддержку.

Почему-то с ней было тепло и уютно. Она напомнила мне мою бабушку, которая тоже уже в мире лучшем, чем наш. От неё тоже исходило тепло и доброта... Как жаль, что Валентине Петровне некому дарить свою любовь. Она была бы замечательной бабушкой детям!

Мы поговорили с ней ещё, и я уснула — всё-таки сил у меня пока было не очень много из-за нервного состояния. Мне кололи успокоительное, я от него засыпала.

Проснулась после обеда и решила пройтись по больнице и поискать врача Валентины.

Долго искать его не пришлось — ей занималась моя же врач Ольга Дмитриевна.

— Извините, можно с вами переговорить? — спросила я, когда мне позволили войти в кабинет.

— Да-да, Нина, проходите, садитесь, — пригласила она меня присесть в кресло напротив её стола. — Я как раз сама хотела с вами поговорить. Слушаю вас, что вас привело ко мне?

— Я хотела спросить вас о Валентине Петровне. Которая лежит в общей палате со мной, — сказала я, разместившись в кресле.

— А-а... Да, есть такая. А что вы хотели узнать о ней?

Я расспросила о диагнозе женщины и поняла, что операция даст ей шанс на ещё долгие годы жизни.

— Я хочу помочь ей, — сказала я, глядя на Ольгу. — Я оплачу операцию.

— Нина, вы... — сняла очки доктор и посмотрела мне в глаза. — Вы явно очень добрая и эмпатичная девушка. Но эта женщина вам никто, вам нужно думать о себе и ребёнке. Вы уверены, что хотите на неё тратиться? Речь ведь идёт не о десяти рублях.

— Для меня эта сумма не столь существенна. Я хочу помочь.

— Ну-у... Если вы так желаете... Поговорите тогда с Валентиной сначала.

— Не надо. Давайте я просто оплачу, а вы скажете, что ей дали квоту вне очереди.

— Э-э... Ну, как пожелаете... Вот квитанция на оплату.

— Спасибо. А что насчёт меня? Вы хотели поговорить обо мне.

— Да... Есть пара вопросов по поводу вашего здоровья.

— Ничего страшного? — спросила я и сама испугалась, машинально положив руку на живот.

Ребёнка я ещё внутри себя не ощущала, но уже боялась за него.

— Нет-нет, всё в порядке... Просто некоторые моменты меня беспокоят. Ваше состояние.

— Что вы имеете в виду?

— Ваше психологическое состояние.

— А что с ним?

— Нужно выравнивать его, чтобы вы выносили ребёнка. Я приглашу для вас специалиста-психиатра. Возможно, нужно будет попить препараты, которые вас поддержат, естественно, с учётом вашей беременности. Вы не будете против осмотра?

— Психиатр мне нужен? Всё так плохо со мной? — всё же испугалась я...

10.

— Не стоит беспокоиться, — улыбнулась доктор. — Просто хочу, чтобы вам помогли справиться с вашей... Э-э... Ситуацией.

Я опустила глаза. Доктор тоже, видимо, наслышана о загулах моего неверного мужа и о любовнице, которая у них по такой “счастливой” случайности находилась в этом же стационаре с красноречивым пузом...

Больно. И стыдно. Как будто меня поймали на чём-то порочном, плохом, аморальном... Хотя я как раз ничего не делала! Я пыталась быть хорошей женой, проступок и предательство семьи было со стороны мужа, а не с моей стороны, но почему-то жгучий, необъяснимый испанский стыд за этот проступок Егора испытывала именно я.

— Вы уже слышали, да? — подняла я на неё глаза. И подбородок — тоже. Пусть на жалеет меня. Не люблю этого. Я не жалкая. Просто так вышло.

— Сожалею и сочувствую вам чисто по-женски, но... Да, слышала.

— Об этом уже всё отделение болтает? — спросила я, прикидывая дошла ли информация до беременной девчонки моего мужа или нет.

Вряд ли она не поняла бы, что речь о ней и моём муже, если вся гинекология городской больницы о нашей троице

судачит.

— Людям рот не заткнуть, — развела руками врач. — Но вам стоит не обращать на это внимания. Сейчас нужно сосредоточиться на себе.

— Обязательно, — кивнула я. — Как написать отказ от лечения?

— Что, простите? Вы же только что согласились со мной, что нужно заботиться о себе.

— Я и забочусь, — ответила я. — Если все только и делают, что болтают обо мне, муже и его любовнице, мне тут делать нечего. Я лягу в платный стационар, подальше отсюда. Дело не в вашей больнице, я думаю, вы понимаете меня, как женщина — женщину.

— Ну... Да, — кивнула врач, доставая бланк. — Заполните это... Только, пожалуйста, выполните обещанное — обратитесь к врачу в другой клинике. Мы пытаемся сохранить вашу беременность. Без капельниц тонус может вернуться. Если вы, конечно, намерены её сохранять...

— Я обращаюсь, — сухо ответила я, заполняя документ на отказ от лечения в этой больнице.

— Вы же понимаете, что...разлад с мужем — не повод избавляться от ребёнка, Нина?

— А что насчёт возраста? — ответила я вопросом на вопрос.

Избавляться я ни от кого не собиралась, конечно, но мне кажется, доктор уже пытается влезть не в свои дела. Я сама

буду решать, что мне делать со своей беременностью, всё же риски есть, и они большие. Мне ведь не девятнадцать лет.

— Вы уже рожали, — сказала она. — В таком случае, шансы родить и выносить здорового малыша очень хорошие. И у вас ещё вполне хорошее состояние организма для вынашивания. Рожают и в сорок пять, поверьте, это не приговор.

— Но риски на патологии плода и всякие неприятности при родах выше, чем у молодых.

— Безусловно. Но если вы будете думать только о позитивном, то всё у вас будет хорошо. Нина, если бы у нас были сомнения в том, что вы сможете выносить и родить малыша, мы бы вам об этом сказали. У вас нет показаний на прерывание беременности. Радуйтесь этому маленькому чуду и будьте счастливы.

— Спасибо, — вручила я обратно заполненный отказ от наблюдения в стационаре. — Позаботьтесь о Валентине Петровне. Всего доброго!

11.

В платную клинику я позвонила и договорилась о стационаре. Осталось только собраться и вызвать такси, чтобы доехать до клиники.

Собираться долго не пришлось, у меня ничего толком и не было с собой.

Надо бы заехать и собрать вещи дома, но я опасалась, что Егор будет там.

Тогда я решила позвонить его секретарше, сообщить, что я на длительном больничном, и узнать в офисе ли Егор.

Секретарь сообщила, что он в не в офисе, и уехал на деловую встречу. Значит, это надолго, и я смогу заехать в нашу квартиру, спокойно собрать нужные вещи и затем поехать в клинику. С остальными вещами я пока не решила, что делать, и что делать с общей квартирой — тоже. Жить в ней вместе, если я решила развестись из-за его загулов, мы, конечно, не могли бы. Но как это всё решать, я понятия не имела.

Наверное, стоило обратиться за консультацией юриста по семейному праву, но сейчас мне было не до этого. Я беспокоилась о своём здоровье и здоровье малыша, которого носила под сердцем, и которого я, конечно же, оставлю, рожу и подниму на ноги. И неважно, что он — от предателя и иуды. Это всё совершенно неважно, то, в каких обстоятельствах,

ОН ПОЯВИТСЯ.

Он — мой. Мой ребёнок!

Мне этого достаточно.

И я буду его любить и за маму, и за папу.

Или — её...

Пол ребёнка мне также был не принципиален, лишь бы здоровый родился и беременность прошла спокойно. И я заботилась о себе для того, чтобы я могла выносить спокойно своего второго ребёнка после такого перерыва между первой и второй, тоже незапланированной, беременности.

Хотела попрощаться с Валентиной, которая единственная, пожалела меня и попыталась успокоить, но она куда-то подевалась.

Что ж, надеюсь она поправится и будет жить ещё долго.

Больше мне тут прощаться было не с кем, я вызвала такси и, повесив сумку на плечо, пошла к выходу.

Проходила мимо платной палаты и не удержалась, заглянула в приоткрытую дверь.

Не смогла побороть какой-то навязчивый и странный интерес посмотреть ещё раз на ту, на кого променял меня мой муж, с которым мы провели не один десяток лет.

Посмотрела. И тут же пожалела о сделанном...

Девчонка была там не одна. С ней снова был Егор...

Он обнимал её животик и гладил его, даже разговаривал с ребёнком внутри неё.

Я заставила себя идти дальше невероятной силой воли,

чтобы они, не дай бог, не заметили, что я их вижу.

Словно робот на негнущихся ногах я вышла из отделения, отошла на несколько шагов от его дверей и уже больше не смогла держать себя в руках.

Буквально осела у стены на пол, села и расплакалась.

Мне было так больно!

Я снова ощутила ментальный нож в моём сердце, который не только вонзили, но и с нажимом прокрутили с особой жестокостью!

Боль предательства того мужчины, которого я столько лет считала своим, своей семьёй, своей опорой, обрушилась на меня, как каскад воды, с новой силой, заполняя меня до краёв и грозя выйти за берега и всё смыть к чёртям собачьим...

Мне было больно от того, что у этого ребёнка, нагулянного на стороне, в таком обмане, будет семья, будет отец. А у моего ребёнка — не будет.

Никогда не будет полной семьи.

Не будет папы.

Не будет рыбалки с ним и в садик водить его будет только мама...

Он никогда не погладит также нежно мой живот, как это было с ней.

Всё это очень, очень, просто мучительно больно и грустно.

12.

Ко мне начали подходить врачи, я постаралась взять себя в руки, потому что на самом деле ненавидела жалость ко мне и когда кто-то видит мою слабость и боль.

Отказалась от помощи, сказала, что всё со мной в порядке (насколько это вообще возможно в моей ситуации, конечно!), вызвала такси и уехала...

Домой.

Домой?

А ведь у меня и дома-то нет практически...

Это место у меня теперь больше не ассоциируется с безопасностью, как раньше.

Потому что там будет ОН.

Я, конечно, надеялась, что он соберёт вещи и уйдёт. Как настоящий мужчина поступит. Хотя бы — сейчас. Ощущая груз своей вины и ответственности.

Но с другой стороны, не наивно ли ждать благородных поступков от мужчины, который изменял, завёл себе вторую семью и даже заделал другой женщине ребёнка?

Вряд ли такое поведение говорит о чистоте души и высоких моральных.

Это прямое неуважение, плевок в лицо.

Куда я смотрела раньше, спросят меня другие.

Обязательно спросят.

Всегда спрашивают таких, попавших в подобную историю, или даже хуже, женщину: куда смотрели её глаза? О чём я думала, когда выходила замуж за ТАКОГО?

А за какого — такого? Разве я могла знать, что тот парень, который поднимался вместе со мной, дарил цветы и пел мне песни о любви под гитару, сделал предложение и любил меня, как мне кажется, когда-то? Разве могла я думать, что спустя более двадцати лет брака он предаст меня и выберет моложе, глупее и веселее?

Конечно, не могла подумать и предвидеть этого.

Я верила ему.

А видела ли я уважение и пренебрежение раньше...

Видела, наверное. Точно видела.

Но предпочитала не замечать.

Я любила. Действительно любила. А когда мы любим, бываем очень слепы и слишком доверчивы.

Звоночки были, да. Но я надеялась, что наша любовь всё преодолееет, мы обязательно наладим наши отношения, и всё ещё можно спасти и исправить. И верила, что мой мужчина, которому я когда-то сказала “да” и приняла его кольцо, а потом пошла с ним в ЗАГС, где мы обещали друг другу любовь и верность, не предаст меня так жестоко спустя больше двадцати лет совместной жизни.

Я пока вообще не знала, как это принять.

Пока в моей голове и сердце никак не вмещалась болезненная мысль, что мой муж просто выкинул совместные годы жизни на помойку, выбрав другую, гораздо моложе меня...

Я надеялась лишь на время. Говорят, оно всё лечит... Сейчас мне особенно хотелось в это верить.

Возле двери я остановилась, нерешительно перебирая ключи от квартиры в пальцах.

Не хватило духа мне сразу взять и зайти.

Это уже не та квартира, как раньше. Она только выглядит прежней, но на самом деле всё очень изменилось, и внутри неё скоро пойдёт совсем другая жизнь.

А для меня — другой мир.

В котором, нет больше никаких “нас” с Егором.

Но нас всё равно трое: я, мой сын Костя и...

Тот малыш, который скоро родится.

В след проде буду подарочки автора!

Не пропускайте выход прод.

Также обращаю ваше внимание на ещё один мой процесс, который я выкладываю параллельно с этим. Вам тоже может понравиться эта история!

БЫВШИЕ. ЛЮБОВЬ БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

https://litnet.com/shrt/wLb_

О ЧЁМ ИСТОРИЯ?

— Ну всё, девчонки! Назначили нам нового генерального!

— Кто, кто?

— Малинин Максим!

— Кто? — я едва не упала в обморок при звуке знакомого имени.

— Да-да, сын первого президента! Говорят, он уже претендовал на место генерального, но тогда что-то не заладилось, и он в Европу уехал.

— А теперь вернулся, выходит?

Я застыла на месте, словно громом поверженная.

Мне история Максима Малинина знакома как никому иному.

Я проходил этот путь с ним.

Он проиграл в борьбе за место президента компании. И уехал.

Но оставил мне частичку себя — нашу с ним дочь, о которой он ничего не знает.

А теперь он возвращается в мою жизнь снова, и снова станет моим боссом.

Что будет, когда отец и дочь встретятся?

—

ОТРЫВОК ИЗ ИСТОРИИ:

— Скажи мне вот ещё что, Марьяна... Лиза — моя дочь, так ведь?

Мы встретились глазами.

На секунду я растерялась.

От лица отхлынула кровь.

Как он мог узнать?

Он так резко перескочил с темы объектов строительства, что я встала в ступор.

— Её отец — другой мужчина, — ответила я, кое-как справившись с собой. Нельзя показывать истинные эмоции, иначе он поймёт, что прав. А я бы не хотела, чтобы он всё узнал. — В документах ребёнка отцом значится он.

— Но тест-ДНК покажет, что отец — я. Так ведь?

Да. Так.

Но откуда у него такая информация? Неужто сам додумался до этого?

— Да с чего ты это взял, Максим? — спросила я, всё ещё стараясь не терять лица и играть изумление, смешанное с искренним непониманием.

— У твоей подружки на корпоративе язык развязался, — ответил он, глядя на меня, не мигая. — И она рассказала, что ты сама и сообщила ей о беременности пять лет назад. И утверждала, что ребёнок от меня.

Я не знала, что на это сказать. Я не хотела, чтобы Максим узнал о дочери. И поэтому в свидетельство вписали другое имя.

— Она просто увлеклась напитками, — хмыкнула я. — И что-то перепутала. Неужели ты веришь сплетням?

— Я намерен провести тест-ДНК и проверить это.

— А я не дам согласие на проведение процедуры, — вскинула я подбородок.

— Да? — встал он на ноги и буквально навис надо мной, словно коршун над бедной лебедью. — Почему же? Потому что знаешь, что тест определит отцом Лизы меня?

— Нет. Просто не считаю нужной проведение этой процедуры.

— Но если ты точно знаешь, что ребёнок не от меня, то чего боишься?

— Не хочу, и всё, — отрезала я. — Не даю согласие на проведение процедуры.

— Значит, она правда моя, — сделал выводы Малинин. Впрочем, верные... — Тогда я буду настаивать через суд на проведение процедуры.

13.

Я всё-таки собралась с духом и открыла дверь своим ключом.

Если уж начинать новую жизнь, то и бояться её не стоит.

Все проблемы решатся. Да, сейчас будет тяжело вылезать из всего этого, буквально из-под обломков моего когда-то привычного мира, но так вечно продолжаться не будет.

Все имущественные споры рано или поздно мы так или иначе решим.

Развод он мне не дать не может по закону.

Ребёнка придётся записать на его имя, да — по закону так положено в течение года после развода. Точнее, впишут сами, если я не приведу другого мужчину в загс, который скажет, что отец — он. Но такого у меня нет, и не хотелось бы заниматься подобными махинациями. И пока решения этой проблемы у меня не было, но я надеялась, что и это решение найдётся. Всему своё время.

Решить такое огромное количество проблем прямо сейчас я не в силах ни морально, ни физически: я не очень хорошо себя чувствовала и в моральном плане, и в физическом, по вполне понятным причинам...

Поэтому не стала предаваться воспоминаниям о прошлой жизни, которую уже, увы, никогда не вернёшь, потому что муж сам перечеркнул всё, что было между нами, не стала

смотреть на фотографии и плакать, не стала портить или ломать от злости его вещи, а просто пошла и собрала сумку с самыми необходимыми в клинике вещами. Если мне что-то понадобится, я потом вернусь сюда тогда, когда Егора не будет дома, и возьму, что нужно.

Буду ли я в целом возвращаться в квартиру и жить в ней я тоже пока не решила.

Если честно — мне не хотелось.

Жить — не хотелось в ней. У меня была своя — я её сдавала. Но там ещё полгода живут жильцы, выгнать их я не имею права согласно договору. Так что пока, если я не хочу жить в этой квартире, мне придётся что-то снимать, а это лишние нерациональные траты. Во мне прямо боролись рационализм и плачущая внутри меня женщина, которая не хотела жить среди болезненных воспоминаний и фантомов прошлого.

Я помню, как покупала каждую деталь интерьера, каждую лампу или бра.

Я покупала их для нас. Для нашей семьи.

Для него. Для Егора.

Шторы, паласы, диваны... Всё напоминало о нём и хранило его запах.

А мне он теперь был невыносим и ненавистен.

И что делать со своей жизнью, куда бежать, как только поправлюсь, я не знала.

В загс или суд? Где разводят супругов с детьми и имущественными спорами?

И куда мне идти после десятидневного лечения в стационаре, а точнее — сохранения беременности?

Стоит ли возвращаться домой, ведь мне теперь так больно тут?

Живот стало тянуть, и я забеспокоилась.

Наверное, всё-таки перенервничала с этими воспоминаниями...

Ну и как мне тут жить? Это же будет ад, а не жизнь!

И я поскорее вызвала такси и больше не думая ни о чём, кроме своего ребёнка, поехала в клинику, где мне тут же сделали капельницу и дали успокоительное.

Живот перестало тянуть. Я расслабилась и уснула, утопая в мягкой подушке...

14.

На следующий день мне позвонила доктор из городской больницы, в которой я лежала до перехода в платную клинику, и сказала, что деньги на счёт больницы пришли и скоро Валентине Петровне назначат операцию. Я была рада узнать такие новости и попросила оставить ей мой номер телефона — вдруг ей ещё понадобится помощь. Для меня это не столь большая сумма, а жизнь человек спасёт.

Надеюсь, добрая старушка ещё поживёт после операции без боли...

А затем нарисовался муж...

Конечно, я видеть его совершенно не желала. Но доктор из больницы сказала ему, что я выписалась и поехала в какой-то платный стационар. Он спрашивал её, ей пришлось хоть что-то ответить, чтобы он уже перестал её терроризировать вопросами обо мне.

Причину, по которой я находилась на лечении в городской больнице, врач, слава богу не сказала, ведь это — врачебная тайна, а я указала, что никому не позволяю передавать данные о моих диагнозах. Но Егору не составило труда найти меня тут, потому что за этой клиникой я была закреплена и всегда получала медицинское обслуживание именно здесь.

Дверь в палату тихо открылась и зашёл он.

Я отвернулась к окну и поджала губы.

Ну и зачем он пришёл? Разве не ясно, что я его отпускаю, если он настолько не уважает меня? Пусть идёт к своей беременной девушке.

— Нина, я... Привет, — мялся он у двери.

Зачем он вообще так настойчиво искал со мной диалога, если его поступок однозначный, и моё мнение своим побегом я уже дала ему понять? Смысл какой в этих беседах? Пришёл сделать мне ещё больнее? Спасибо, не нужно, мне и так не весело...

— Что ты хочешь? — повернулась я к нему и задала прямой, конкретный вопрос.

— Поговорить. О том, как... Как жить дальше.

— С кем?

— С тобой.

— Зачем?

— Ну... Ты моя — жена, — свёл он брови вместе. — Я всё-таки чувствую за тебя ответственность и вину свою...

— А когда её имел, ты чувствовал ответственность и вину? — обрубила я эти странные для меня фразы. Какое чувство ответственности, если он ребёнка другой женщине сделал, будучи женатым?

— Нина, — вздохнул он, прекрасно понимая, что лёгким этот разговор не будет. — Давай не будем хамить друг другу, а просто спокойно обсудим, что делать дальше.

— А давай ты спокойно и не хамя просто выйдешь из моей палаты? — предложила я другой вариант.

Ах, если бы он сейчас меня послушал и ушёл, я была бы просто счастлива. Так сильно мне не хотелось видеть его виноватую рожу... Конечно, если бы он не чувствовал за собой вины за вторую семью, я бы чувствовала себя ещё гаже, ещё более униженной, пожалуй, но и в случае, когда тот, кто был моим мужем, вину понимает, мне несколько не легче. Семья всё равно разрушена. И все дальнейшие его слова и какие бы то ни было предложения не смогут нивелировать того, что он сделал.

— Нина, — начал явно раздражаться Егор. И чего злитесь? Я, что ли, ему изменила? Злится он ещё, что с ним не хотят разговаривать ! Действительно, очень странно! (Нет!) — Я тебя прошу, как взрослого человека: давай нормально поговорим. Нам надо решать, как мы будем жить дальше.

— Я сама, а ты — со своей новой любовью.

— Я не планировал уходить от тебя к ней, — внезапно ответил он, и я едва не упала в обморок. — Я тебя люблю.

15.

— Что? — округлила я глаза.

Да нет, не может быть, что он это вслух сказал.

Не может!

Мне показалось, я ослышалась.

— Что ты сказал? — спросила я, боясь услышать, что всё-таки я не ослышалась.

Потому что слова о любви в данной ситуации настолько не укладывались в её общий контекст и настолько не укладывались в моей голове, что мне аж дурно стало — в ушах начало шуметь.

Я забеспокоилась за ребёнка, но при муже не стала прикасаться к животу — он мог догадаться о моей беременности, а я не хочу ему сообщать. По крайней мере, сейчас.

Да, я отдавала себе отчет в том, что однажды Егор узнает, что я ношу его ребёнка — элементарно увиди растущий живот, потом — самого ребёнка, ну и в конце концов, впишут в свидетельство о рождении малыша фамилию Егора, и он, естественно, об этом будет знать.

Пусть узнает. Но потом. Чтобы сейчас не мотал мне нервы.

Я не хочу сейчас его попыток заботиться обо мне и ребён-

ке после его грязного предательства. Я справлюсь со всем сама, мне не нужна помощь этого предателя, и мне одной будет спокойнее. Сейчас мне надо успокоиться и решить, что делать дальше, поэтому о беременности я не хотела ему ничего говорить.

Но живот от нервов начал побаливать снова, мне нужно было как можно скорее выпроводить его и позвать сестру, чтобы она поставила мне капельницу.

— Что я люблю тебя, Нина. И я никуда не собираюсь уходить, — повторил он снова и я даже замерла на месте.

Я не ослышалась! Он всё-таки это сказал — люблю.

Но как же осквернено это слово из его уст. Меня даже перекосило от отвращения!

Как сильно я раньше любила эти слова от мужа, как ждала их, как они ласкали мой слух и поднимали настроение, также точно теперь они причиняли боль, несли отвращение к человеку и давали ощущение, что меня сейчас сбросили с башни Москва-Сити мордой в асфальт.

Как он только может говорить слова любви после того, как завёл вторую семью?

А её он тоже любит? Или умудряется любить нас обеих, и его сердечко разделилось: в одной половинке — я, в другой — она?

Какой любвеобильный мужчина мой муж, оказывается.

— Не говори мне никогда этих слов больше, — подошла я к нему ближе и выпрямилась. Во мне вскипела злость, ко-

торая каким-то странным образом действовала на меня — давала сил. Живот затих, я смело смотрела в лицо своему врагу, вчерашнему мужу. — Ты не знаешь, что это такое! Из твоих уст после того, что ты сделал с нами, это звучит как оскорбление.

— Нина, но это правда, — взял он меня за плечи и сжал пальцами их.

Его касания, как и слова, теперь несли лишь боль по сломанным мечтам и отвращение к этому мужчине, который разбил нас.

— Не трогай меня! — ударила я его по рукам. — Не прикасайся. Ты несёшь какой-то несусветный бред, Егор! Ты мне изменил. Я с тобой развожусь. Я не пошутила тогда, когда ты обнимался со своей беременной любовницей, что мы не знакомы. Я тебя больше знать не хочу, ясно? И слова свои о любви знаешь куда засунь?

— Нина, — покачал он головой. — Ну не опускайся до таких слов, умоляю. Ты же не такая.

На его лице не дрогнул ни один мускул, когда я произносила такой страстный монолог о его предательстве. Оно осталось просто каменным.

Ни обиды, ни сожаления, ни вины я не чувствовала от него. И любви — тоже.

Так зачем он меня останавливает словами о любви и о том, что не собирается уходить от меня?

Что он такое говорит? Как это — не собирается уходить?

А как он себе это представляет нашу совместную жизнь после измены и после того, как я узнала, что ему скоро родит ребёнка другая женщина?

Может, он мне ещё предложит с ней подружиться и вместе потом детишек нянчить? Чай все его кровинушки будут. А на моё самочувствие при этом ему плевать, как я уже начинаю понимать...

16.

— И...как же ты видишь наше с тобой...будущее? — решила уточнить я. Даже интересно самой стало. — Как понять твоё “не собирался уходить”?

— Так и понять, — пожал он плечами. — Я не хочу уходить. Ты остаёшься моей женой.

— Да? А что же делать с тем, что я видела своими глазами беременную от тебя девушку? Предлагаешь мне забыть обо всём и просто жить дальше?

— Да! — придвинулся он снова ближе, и по его глазам я поняла, что он абсолютно серьёзен. Настолько серьёзен, что у меня, кажется, крыша заскрипела! — Ну, то есть... Конечно же, я понимаю, что ты не сможешь просто забыть. Но... Переступить это. И пойти дальше ради нашего с тобой счастья.

— Что? — замотала я головой, словно отгоняя назойливых мух. — Я не верю, что ты всё это говоришь, Егор! О каком таком нашем счастье ты говоришь, когда твоей любовнице скоро рожать? Или ты забыл? Или умом тронулся!

— Да забудь ты о ней, Нина, — снова схватил он меня за плечи и слегка встряхнул. Этот жест мне ой как не понравился, я тут же оцетинилась и принялась вырываться из его рук. Егор явно злился, что я так легко не соглашаюсь под-

чиняться ему, как раньше. — Это всё неважно. Мы с тобой никуда не делись, слышишь?

— Я думала, ты уйдёшь к ней, — говорила, пребывая одновременно в шоке от его цинизма, когнитивного диссонанса из-за того, что он говорил, и желания его как можно больнее лягнуть! — Иначе зачем это всё? Предательство нашей семьи, ребёнок на стороне.

— Да не нужна она мне! Не нужна. Нина, это... Это неважное. Ты — моя жена. Я хочу, чтобы так всё и осталось, — продолжал он сжимать мои плечи. Мне кажется, у меня останутся синяки после того, как он впивался пальцами в мою кожу, больно было даже через одежду.

— Даже несмотря на то, что она беременна?

— Даже несмотря на это. Но я буду помогать ей — это да. Ты должна понять, я не готов бросить своего ребёнка. И дам ему свою фамилию. Но жить с ней я не буду.

— А она-то знает, что ты не собираешься быть с ней?

— Не знаю. Я ей ничего не обещал.

— Как же ты ценичен, — вцепилась я в ответ в его пальцы и тоже сжала. Мы были похожи на двух сцепившихся в борьбе диких зверей. — Ты меня предал. Спал с какой-то соплюшкой институтской. Ребёнка ей заделал. А теперь говоришь, что и её готов предать и останешься со мной. Ты хоть кого-то в своей жизни ценил?

— Да. Тебя, — ответил он. — И я никуда не уйду.

— Да как ты ценил, если изменил мне, Егор? Я не верю,

что ты не понимаешь, что сделал и что очень виноват передо мной?

— Понимаю. Но я не хочу уходить.

— Надо было думать об этом перед тем как залезал на молодую пигалицу! — вспылила я. — А теперь уже нечего после драки махать кулаками! Ты перешёл эту черту. И я не обязана тебя прощать, даже если ты чувствуешь вину и жаждешь прощения. Ты много лет видел, как я всегда и во всём соглашалась с тобой, как верная и послушная жена. Я любила тебя и подстраивалась под тебя. Но теперь я выбираю себя. Я не хочу и не буду тебя прощать! Я принимаю своё решение, отличное от твоего, и тебе придётся это принять.

Он выпустил меня наконец и шумно выдохнул, опустив голову.

Звонящая тишина, которая образовалась, когда мы оба резко замолчали, как бы странно ни звучало, била по ушам.

— И что ты решила, позволь узнать? Я не мог тебя найти, чтобы узнать хотя бы это, — заговорил Егор, глядя мне в глаза. — Что же ты решила, Нина?

— Я требую развод, — твёрдо ответила я, не отведя глаз и выдержав стойчески его подавляющий взгляд.

17.

— Развод? — сузил он глаза.

— Да. Развод, — твёрдо повторила я. — А что ты так удивляешься? Разве развод в данной ситуации нелогично предложить? Ты думал, я тебе позову в церковь венчаться после твоего загула с последствиями?

— Нет, я... Нина, ну хватить клоуничать, ей-богу... Я же серьёзно с тобой разговариваю.

— Так я тоже не шутки шучу, но ты себя сам слышишь вообще? Что ты говоришь? Какие уж шутки, если ты мне изменял и ребёнка сделал на стороне! Мне, знаешь ли, совершенно несмешно.

— И мне не смешно, — сказал он, поджав губы. Недоволен. Смотрите-ка на него — распустил хвост. Ещё МНЕ недовольство высказывает. Уж кто тут обиженная и недовольная сторона, так это — я, но никак не сам Егор. Как он только вечно так всё переворачивает! И ведь я не замечала этого, доверяла ему, а он, видимо, все эти годы вертел мной, как хотел, просто вил из меня верёвки! — Я же сказал, что я признаю ошибку! И попросил прощения. Что я ещё должен сделать? Встать на колени перед тобой? Этого ты хочешь?

— Зачем мне твои колени на полу? — хмыкнула я, выказывая ему своё пренебрежение, а не восхищение с открытым наивно ртом, как раньше. Я вдруг увидела в один миг, ка-

кой он на самом деле. Да он же манипулятор самый настоящий! Применил тактику “лучшая защита — это нападение”. — Мне от тебя теперь вообще ничего не надо, хоть на ушах пройди передо мной. Я тебя всё равно не прощу, ясно? И не надо на меня нападать. Ты сам виноват во всём, что случилось. И теперь вины своей никак не искупить. Мы разводимся.

— Я против.

— Ой-ли? А я не в рабстве, — напомнила я ему законы нашей страны. — Российская федерация давно оставила в прошлом крепостничество, если ты не в курсе. В девятнадцатом веке ещё.

— Да хватит умничать, — одёрнул он меня. — Вечно ты свою образованность выставляешь напоказ.

— Ну уж лучше образованность выставлять, чем такую сволочность, как ты.

— Нина, — шумно вздохнул ещё раз мой в скором времени бывший муж. — Я прошу тебя подумать и не подавать на развод.

Видно было, что он с трудом уже держит себя в руках, но ему почему-то никак нельзя было меня потерять. Хотя я лично не понимала, зачем ему удерживать меня, когда я узнала о его молодой и беременной любовнице. Почему бы не уйти к ней, раз она всё равно уже развалила нашу семью, убила моё доверие к Егору, обесценило его в моих глазах.

Я понимала всей своей оскорблённой и униженной ду-

шой, что никогда не прощу того, кто мне в неё наплевал, сколько бы лет я ни прожила с ним до этого, и как бы ни любила.

Я всё ещё любила его — это так. И глупо лгать самой себе, что так быстро я могла изменить это, пережить и выкинуть на помойку двадцать два года совместной жизни.

Только Егор смог так безэмоционально переступить нас и заделать ребёнка другой.

А я так не могу. Я всё ещё привязана к нему, испытываю чувства к мужчине, который был моим мужем, с которым я провела много лет и родила от него сына.

А теперь рожу ещё одного. Или дочь... Как бог даст.

Только воспитывать вместе нашего второго ребёнка мы, увы, не будем.

Я не позволю ему вернуться и помешать мне развестись.

Я не прощу его и оформлю расставание юридически.

И если Егор ради меня внезапно сделает сальто назад три раза, я к нему не вернусь и не приму назад. Он сжёт все мосты ко мне своей изменой.

— Я не буду ни о чём думать, — ответила я. — Моё решение уже принято. Мы разводимся, Егор.

— А если я обнародую твой маленький секрет? — поднял он брови, а я похолодела. Нет, он не может так со мной поступить! Мы же договорились, что это останется между нами! — Тогда ты обещаешь не торопиться? Если я пообещаю в ответ никому ничего не рассказывать?

18.

В моём прошлом и биографии были моменты, которые я не хотела, чтобы были освещены общественности. Это пятна на моей репутации. А мы ведь не последние люди в городе с Егором. И если он объявит о разводе, а потом всплывёт правда обо мне, то ему, можно сказать, ничего с этого не будет, а вот по мне это проедет танком, раскатает меня по асфальту и уничтожит мою карьеру. Мне придётся уйти из офиса, с управленческой должности, оставшись только в числе акционеров компании. А мне бы этого не хотелось...

Нельзя допустить, чтобы Егор всем рассказал о моём прошлом.

Но как заставить его замолчать?

Рот я ему ведь насильно никак не завяжу. А он расскажет, если я не вернусь к нему, видимо.

Возвращаться я не хочу, и что теперь делать — не знала.

Неужели он настолько подонок, что готов пойти на такие низости и шантаж, лишь бы я к нему вернулась?

Не могу просто в это поверить. Как дурной сон-сериал... Каждую серию случается какой-то новый треш, хуже прежнего.

Сначала он предал меня и сделал так больно, что дышать было тяжело и вообще непонятно — зачем. Настолько я слилась с этим человеком в одно и жила его жизнью, его мечта-

ми, его вкусами.

Потом оказалось, что измена — не единичный случай, по ошибке, по случайности.

Конечно же, если бы измена была единичной, я всё равно не смогла бы её простить Егору — ведь это прямое неуважение к своей супруге, с которой провёл много лет, буквально плевков в лицо! Но то, что это был прямо-таки затяжной роман моего мужа и какой-то молодой пигалицы за моей спиной, созданная им вторая семья, в которой скоро родится незаконнорожденный ребёнок, принесло ещё больше боли, чем это сделала бы одна случайная измена.

Случайная измена тоже бы разрушила нас. Меня. Уничтожила бы без следа, оставив после себя только выжженное поле, но то, что сделал Егор...

Это просто на разрыв аорты. Это невыносимая боль, которая больше меня.

Это предательство, которое не облечь в слова.

Это пренебрежение, которое заставляет сердце стонать от рваных ран...

— Я... понять не могу, — посмотрела я на него, чувствуя, как снова подкатывает к горлу колющий противный ком... Только бы перед ним не расплакаться. Не хочу, чтобы он видел, насколько на самом деле ранил и разбил меня. А я ведь всё ещё любила его и не представляла своей жизни без него. Но простить бы не смогла! — Ты меня зачем останавливаешь, Егор? Что лично тебе даст сохранение этого брака?

— Я же сказал уже: я тебя люблю, Нина, и не собираюсь никуда уходить. Ты — моя.

Прозвучало это как-то... Неприятно.

Будто он говорил не обо мне, его жене, человеку, женщине, а о какой-то вещи.

Словно я — его машина или смартфон.

— Я не вещь, Богуславский, чтобы быть чьей-то, — одёрнула я его. — И у тебя был шанс, чтобы я всегда оставалась твоей. Двадцать два года шансов. Но ты его потерял, когда связался со своей... Девкой.

— Да забудь ты о ней, я же говорю. Мы снова будем жить вместе, и всё будет хорошо!

— Нет, я не забуду, — покачала я головой. — Я не буду жить с тобой и подам на развод. И я не понимаю, зачем ты меня отговариваешь. В твою любовь, уж извини, в свете причины нашего предстоящего развода, я не верю.

— Значит, мне рассказать журналистам твой секрет? — изогнул он бровь. — Завтра ты будешь во всех желтушных каналах в сети. Твоей карьере придёт конец.

— И ты говоришь такое той, которую якобы любишь? — с сарказмом усмехнулась я.

У меня вообще не складывалось в пазл всё, что делает и говорит Егор. Зачем ему сохранять со мной брак? Я не понимала.

Но если он так настаивает, значит, ему почему-то это важно. И никому он ничего не расскажет, иначе потеряет свой

рычаг давления на меня.

По крайней мере, мне хотелось надеяться на это — что он не осмелится рассказать.

— Расскажи, — ответила я, пытаюсь не показывать страха. — Трепись, как бабка на лавке. Только ты мне обещал, что никто никогда об этом не узнает. Помнишь? Обещал. Так чего теперь стоит твоё слово?

— Ты мне тоже обещала верность в загсе и один раз и навсегда.

— Так не моя вина в том, что ты на сторону пошёл. Не по моей вине этот развод состоится!

— Неважно. Ты не сдержала своё обещание. Значит, и я своё не сдержу.

На этих словах он развернулся и вышел из палаты, оставив меня растеряннo смотреть ему вслед.

19.

На следующий день мне пришло с неизвестного номера сообщение:

“Ты меня заблокировала? Звоню-звоню...”

Я ничего не ответила и положила телефон обратно на прикроватную тумбочку больничной палаты.

Да. Я его заблокировала. И не стесняюсь этого.

Мне с ним не о чем говорить, а сын уже большой, и сам с ним на контакт может выйти.

Ему я, кстати, пока не сообщила о нашем разводе.

Костя был у меня в клинике, навещал. Волнуется за меня, но пока что я не решилась сказать ему две последние новости нашей семьи: мы разводимся и что я — беременна... И собираюсь рожать несмотря на то, что ребёнок этот от Егора, с которым я планирую развод, и обречён на жизнь в неполной семье.

Пусть лучше неполная, чем плохая.

Я буду его любить за двоих, а папа, который маму предал и обидел, нам не нужен.

Пришла новая СМС, и я лениво перевернула телефон экраном к себе:

“Посмотри новости о моём интервью. Там есть и о тебе!”

Я чертыхнулась и полезла в интернет.

Вряд ли там что-то приятное обо мне написано будет, если

это интервью дал злой Егор, который буквально вчера меня шантажировал тем, что вывалит все наши семейные скелеты из шкафов на всеобщее обозрение...

Первые же ссылки вели на новое интервью, которое дал известный бизнесмен-миллионер Егор Богуславский...

Проглядела, не особенно вчитываясь в строчки.

Говорит о работе, сыне, семье...

Говорит о том, что с женой у него сейчас напряжённые отношения.

Ещё бы... Он заделал ребёнка какой-то молодой девке и завёл себе вторую семью!

Напряжённее просто не придумать было.

Что же он прессе не рассказал о причинах этого разлада? Вряд ли бы тогда публика его пожалела, зная подробности его гнусного поступка.

А на этом месте я остановилась и стала вчитываться куда более внимательно:

“Моя жена не такая уж простая, как может показаться со стороны. Нина хорошая, конечно, я ничего дурного не хочу о ней сказать... Коллектив нашей компании её очень любит, надо заметить, совершенно справедливо: Нина — прекрасный руководитель своего отдела и специалист, и мне ни в коем случае не хотелось бы уронить её авторитет и окунуть репутацию в грязь, но... Если честно, эта тайна слишком большая, чтобы хранить её много лет, и мне всё

труднее сдерживать себя и никому ничего не рассказывать. Боюсь, у нас остался только один шанс, чтобы никто ничего не узнал. И Нина может использовать его до нового интервью на следующей неделе...”

Я нервно сглотнула.

Егор угрожает мне уже конкретными действиями, что всё расскажет на весь интернет обо мне. Неприглядную правду, которую я не хотела бы обнародовать.

Он дал мне время до следующей недели, чтобы я вернулась к нему и молчала в тряпочку. Такова его цена молчания — сохранение нашего брака.

Только зачем ему нужно его сохранять я по-прежнему не понимала. Между нами толком ничего уж и не осталось, иначе его не потянуло бы на новые подвиги и не появилась бы эта девушка, которая скоро родит ему сына или дочь...

Но почему муж настаивает, что любит только меня, а вторая семья для него вовсе не так уж и важна, и опускается даже до шантажа, чтобы удержать меня?

Я решительно ничего не понимала из того, что делает Егор, и не знала, что же мне теперь делать.

Мне нельзя волноваться, но Егор делает такие вещи, которые приводят меня в большой стресс...

Надо как-то успокоиться и подумать, что мне со всем этим делать...

Я не нашла никакого решения кроме как позвонить быв-

шему мужу и пообещать ему подумать о том, чтобы не подавать на развод. Но мне нужно время, сейчас я на лечении и мне нужен покой. Я обещала поговорить с ним когда вернусь из больницы домой. Я обещала, что вернусь в нашу квартиру, и там мы поговорим.

Слава богу, он согласился ничего пока не разглашать, и у меня появился небольшой запас времени, чтобы продумать план моих дальнейших действий...

Война обещала быть долгой и беспощадной...

Спустя еще неделю меня наконец выписали. Больше опасности для маленького не было, я прошла курс лечения, укрепила организм и отправилась домой.

Остаться там или нет я ещё не решила, но когда вставила ключ в замок, то поняла, что он не проворачивается — дверь закрыта изнутри.

Кто-то поспешил открыть двери, но когда я увидела того, кто появился на пороге МОЕЙ квартиры, сумка с вещами буквально выпала из моих рук.

— Егор? А-а... Это ты, — скрестила на груди руки любовница моего мужа, выставив беременное пузо вперёд и глядя на меня так, словно я адресом ошиблась. Но это моя квартира!

— Ты что тут делаешь? — спросила я, разглядывая её ха-

лат и домашние тапочки. Явно она не в них сюда пришла...

И я уже начала догадываться, что она ответит. Но всё равно её ответ выбил почву из-под ног...

— Живу я тут, — нагло хмыкнула девица. — Егор подарил эту квартиру мне и сыну.

20.

Мне буквально плохо стало от её слов и я прислонилась к косяку, не решившись зайти в собственную квартиру.

Я ничего не понимала. Как же так?

Как мой пока ещё официально муж мог взять и “подарить” нашу квартиру, в которую я, между прочим, тоже вкладывалась своей любовнице?

Вся эта история всё больше и больше начинала напоминать мне дурной сон, где происходит какой-то бред, доставляющий мне боль, и в котором я понять толком ничего не могла... Всё какое-то бессвязное.

Если же Егор “подарил” каким-то странным образом нашу квартиру этой беременной мадам, проигнорировав, что я тут числюсь хозяйкой, и поселил сюда свою любовницу, то зачем тогда просил не разводиться с ним?

Что за сюрреализм? Он что хочет-то вообще?

Чтобы я осталась его женой, но жила на улице или была вынуждена снимать сама себе жильё? Зачем мне тогда нужен Егор и брак с ним?

И куда я теперь пойду с малышом? Я ведь беременная...

В голове крутилось столько вопросов, ответов на которые у меня прямо сейчас не было.

— Ладно. На чай не приглашаю, — хищно оскалилась де-

вица. — Теперь это не твой дом. Некогда мне с тобой болтать, я хинкали леплю для Егора. Он говорил, что ты готовишь редко, а если и готовишь, то есть твою стряпню невозможно. А я ему готовлю его любимые блюда. Ну, и ещё много чего делаю, чего не делаешь ты. И поэтому ты осталась без мужа. Сама виновата. Ну, пока. Удачи!

И наглая девка просто захлопнула дверь перед моим носом.

Мою дверь моей, вашу мать, квартиры, перед моим носом!

Меня обуяла такая ярость, что плохое самочувствие резко улетучилось, уступая место злости. И силы откуда-то взялись, я намеревалась отстаивать своё!

Ты не будешь так просто хлопать моей же дверью перед лицом, девочка!

Мы ещё не договорили с тобой.

Я потянула ручку на себя, но любовница мужа заперлась изнутри.

Я стала звонить и тарабанить в собственную закрытую дверь.

Остаться там, когда по квартире гуляет любовница моего мужа на сносках и, напевая незамысловатые песенки, лепит ему хинкали, я не собиралась. Просто не смогла бы — такое унижение! Да и не собирается она меня впускать похоже... Что же мне — полицию вызывать? Какой в этом смысл, Егор всё равно уже всё решил и найдёт способ, как избавиться от

моего нахождения в квартире, это лишь вопрос времени...

Но мои вещи остались там!

Моё золото, ноутбук... Косметика дорогая.

Почему рядом с моими вещами теперь находится какая-то незнакомая мне девка?

А вдруг она уже обворовала меня по полной? У меня в шкапулке в спальне есть и очень дорогие украшения! Как я потом докажу, что изделия пропали? В квартире нет скрытых камер.

Как Егор только додумался впустить на нашу общую территорию, где есть ценности, постороннего человека! Это просто уму непостижимо!

— А ну-ка открывай дверь, зараза! Немедленно.

— И не подумаяю. Звони Егору, пусть сам разбирается.

— Открой, я тебе говорю.

— Нет.

— Там мои вещи, ты слышишь? Дай мне их забрать.

— Купи себе новые. Ты же богатая тётя!

— Там моё золото. Если ты немедленно не впустишь меня, я напишу заявление о пропаже моих ценностей, и скажу, что ты их украла!

— А я скажу, что ничего не видела!

— Открой дверь! — стучала я руками и ногами.

Господи, как же я унижаюсь! Стучусь и не могу войти в собственный дом.

— Значит, так, дорогая, — снова стала я говорить в щель

между дверью и откосом. — Открывай дверь или я сейчас вызову МЧС и взломаю её нафиг по прописке в паспорте! Не имеешь права меня не впускать, выдра пузатая!

На наши крики стали выходить соседи... Удивлённо смотрели и пытались понять, почему я стучусь в собственную квартиру.

Стыдно-то как, и горько.

Как я только оказалась в такой ситуации?

А всё из-за Егора.

— Не открою! — услышала я глухое из-за двери.

— Ладно, — вздохнула я и вынула телефон. Набрала номер службы спасения. — Здравствуйте. Я потеряла ключи от квартиры. Внутри беременная племянница, она не может выйти. Вы могли бы мне помочь? Спасибо. Жду. — Я повесила трубку и снова обратилась к любовнице мужа: — Ты слышишь? Сейчас я вынесу эту дверь.

21.

Она так и не открыла.

Я решила сначала позвонить Егору. Может, он как-то повлияет на свою безумную мадам и мы не станем беспокоить МЧС по таким глупостям?

— Да, — ответил он довольно быстро на звонок. — Насладилась моим интервью? Долго же ты думала.

— Я не по этому поводу, — сказала я. — У нас полно других проблем, более важных.

— О чём ты говоришь? — тут же стал он куда более серьёзным.

— Твоя любовница заперлась в моей квартире, — начала рассказывать я, ощущая, как меня буквально потряхивает от нервов. Все эти скандалы и встречи с соперницей не проходя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.